

Русская
литература

Е 1 |

1960

Л Е Н И Н Г Р А Д

35
396
**Русская
литература**

№ 1 ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ 1960

Журнал выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Бердников. А. П. Чехов в конце 80-х годов (Чехов и Гаршин)	3
Г. Черемин. От Февраля к Октябрю (Маяковский в 1917 году)	26
А. Морозов. Пародия как литературный жанр (к теории пародии)	48
А. Квятковский. Русское стихосложение	78

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

3. Кирилюк. О. М. Сомов (из истории литературной борьбы 20-х годов XIX века)	105
Ф. Прийма. К спорам о подлинных и мнимых статьях и рецензиях В. Г. Белинского	113
Новое об И. А. Гончарове:	
П. Бейсов. Служба И. А. Гончарова в Симбирске	131
О. Демиховская. Неизвестная повесть И. А. Гончарова «Нимфодора Ивановна»	139
В. Громов. У истоков «Записок охотника»	145
В. Лакшин. Новые материалы об А. Н. Островском (из дневника профессора Шляпкина)	151
А. Екимов. Д. И. Менделеев в жизни и творчестве Александра Блока	156
А. Молотов. А. П. Чехов о проблемах общественного устройства и науки в России	161
Г. Огнева. Из книги впечатлений ялтинского дома А. П. Чехова	172
В. Земсков, И. Правдина. В творческой лаборатории Есенина	177

(см. на обороте)

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

Е. Ольховский. Каронин или Мышкин? (193). — **С. Рейсер.** Кто автор стихотворения «К судьям» (195). — **Ф. Шушковская.** «Потерянный» рассказ А. П. Чехова (196). — **И. Ковалев.** Преследование царской цензурой художественных произведений в легальных большевистских газетах и журналах (196). — **Э. Русинова.** Об одной цитате у М. Горького (199).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Долинина. Русская литература в арабских странах	202
А. Барсук. Семинарии по русской литературе	211
Первый том академической истории советской литературы:	
В. Перцовский	223
С. Малахов	228
Б. Бессонов. Критик-философ, критик-социолог (к изданию двухтомника работ Г. В. Плеханова о литературе и искусстве)	233
А. Панченко. Книга о чешско-русских литературных связях старшей поры Т. Глебова. Новая работа венгерского ученого о М. Горьком	238
Л. Долгополов. Блоковская библиография	241
Н. Зайцев. Книга о «Русском лесе» Л. Леонова	244
ХРОНИКА	246
И. Серман. Памяти Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886—1959)	251
	259

Редакционная коллегия:

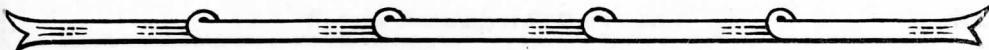
В. Г. БАЗАНОВ (главный редактор), **А. С. БУШМИН**, **В. Е. ГУСЕВ**,
В. А. КОВАЛЕВ, **Ф. Я. ПРИЙМА**, **Вс. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**,
В. В. ТИМОФЕЕВА.

Отв. секретарь редакции Ю. А. Андреев.

Адрес редакции: Ленинград, В-164, наб. Макарова, д. № 4. Тел. А 2-39-36.

Подписано к печати 30 марта 1960 г. М-32067. Бумага 70 × 108½. Бум. л. 8½. Печ. л. 16½ = 22,26 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 24,43. Тираж 6625. Заказ № 513.

1-я типография Издательства АН СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

Б. БЕССОНОВ

КРИТИК-ФИЛОСОФ, КРИТИК-СОЦИОЛОГ

(К ИЗДАНИЮ ДВУХТОМНИКА РАБОТ Г. В. ПЛЕХАНОВА О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ)

Выход в свет двух объемистых томов статей Плеханова о литературе и искусстве — событие в изучении литературного наследия первого русского критика-марксиста. Никогда еще Плеханов-критик не издавался с такой полнотой и обстоятельностью.

Многое в литературно-критическом наследии Плеханова до сих пор представляется живой интерес. Плеханов выработал особый жанр литературно-критической статьи, прочно связав изучение литературы и искусства с разработкой марксистской философии и социологии в целом. Вспомним тематику и содержание его работ. Серия статей «Беллетристы-народники» посвящена задаче борьбы с народнической идеологией; произведения беллетристов-народников Г. Успенского, Н. Каронина, Н. Наумова Плеханов использует в качестве материала для доказательства разложения сельской общины, развития капитализма в России, необходимости создания рабочей партии и т. п. Другая серия плехановских статей — «Судьбы русской критики» — и примыкающие к ней статьи на эту же тему содержат философский и социологический анализ литературных взглядов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и некоторых других русских критиков и публицистов. В статьях о Л. Толстом анализируется главным образом учение писателя. Как социолог выступает Плеханов в статьях и высказываниях о Горьком. Творчество писателей XVIII века — Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова, Рашиццева и др. — интересует Плеханова как факт истории русской общественной мысли и т. д.

Философско-социологический подход к литературе и искусству был, таким образом, важнейшей особенностью Плеханова-критика. На этом основании статьи Плеханова иногда вовсе выводятся за пределы литературной критики, что вряд ли правомерно. История не знает ни одного крупного критика, который в своих статьях ограничивался бы разработкой лишь собственно литературных вопросов. Белинский и В. Майков, Чернышевский и Дружинин, Добролюбов и А. Григорьев, Михайловский и Страхов — все они, несмотря на глубокие различия в дарованиях и во взглядах, затрагивали в своих статьях не только литературные, но и общественные вопросы. Что касается Плеханова, то мы напомнили бы о двух его читателях, отзывы которых заслуживают самого глубокого внимания. Воспоминания современников сохранили для нас положительный отзыв Энгельса о статьях Плеханова, посвященных беллетристам-народникам. Энгельс отнюдь не был шокирован социологическим уклоном в этих статьях, напротив того, он назвал их «целесообразными».¹ А Ленин, по словам Н. К. Крупской, сочувственно вспоминал слова Плеханова о том, что произведения таких писателей, как Успенский, надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования.²

В лице Плеханова русская критика нашла человека, который продолжил и развил традиции боевой общественно-публицистической критики революционных демократов. Точно так же традиции философско-социологической критики, в создании которой Плеханову принадлежит большая роль, должны быть восприняты и творчески развиты в наши дни. Философия и социология не являются в настоя-

Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, тт. 1—2. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Б. И. Бурсова. Гослитиздат, М., 1958. Ссылки на это издание даются в тексте.

¹ А. Воден. Беседы с Энгельсом. Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, М., 1956, стр. 342.

² «Литературная газета», 1933, № 22, 11 мая.

щее время лишь узкоспециальными дисциплинами, они вошли важнейшей органической частью в современное мышление — и в писательское, и в читательское. Поэтому вне философии и социологии живая, по-настоящему современная, подлинно научная и действительно организующая критика просто немыслима.

В создании такой критики литературное наследие Плеханова может служить вдохновляющим и поучительным примером. Правда, выдвигая на первый план философско-социологическую критику, Плеханов не избежал известной односторонности. Анализ эстетической стороны произведений искусства представлен в его статьях сравнительно скромно и в общем эпизодически, хотя Плеханов был очень требователен и порой даже придиричился к художественной форме. Целостного «монастырского» исследования, в котором сочетались бы органически эстетический и философско-социологический подходы к искусству, Плеханов нам не оставил. Но справедливость требует заметить, что попытки в этом направлении Плеханов предпринимал, и эта устремленность к «монастырскому» исследованию заслуживает, конечно, всяческого внимания. К сожалению, Плеханов очень редко выступал в этом жанре. И поскольку философско-социологический аспект в его литературно-критических статьях был доминирующим, исследователь плехановского наследия в области критики обязан самым внимательным образом изучать прежде всего философские и социологические взгляды Плеханова. Без этого Плеханов-критик просто непонятен.

Философские и социологические взгляды Плеханова и их связь с его литературными воззрениями уже не раз были предметом изучения. При этом было высказано немало верных суждений, прочно вошедших в обиход историко-литературной науки. Не повторяя сказанного, мы укажем лишь на одну особенность литературно-критической деятельности Плеханова, которая до сих пор почти не обращала на себя внимания исследователей — на тесную связь между сильными и слабыми сторонами в представлениях и литературной деятельности Плеханова. Здесь, как это часто бывает, очень трудно отделить «шпеницу от плевел».

Возьмем, например, такой факт, как склонность Плеханова по преимуществу к теоретическому мышлению. Эта особенность плехановского склада ума обнаруживалась в его работах то своими сильными, то слабыми сторонами в зависимости от объекта и назначения исследования. Плеханов, как правило, оказывался на высоте в анализе классических явлений общественной жизни. В тех же случаях, когда явление не вполне попадало под действие общего закона, подвергаясь влиянию местных условий, смежных явлений, побочных факторов и т. п., Плеханов часто впадал в схематизм. Он «шарил» высоко в небе и редко опускался на землю. В этих случаях он, сам того не замечая, распространял общее правило на конкретные случаи. В свое время это прозорливо было замечено Лениным, писавшим о стремлении Плеханова искать ответа на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины (у Ленина речь шла об анализе движущих сил первой русской революции).³

Плеханову была свойственна строгая логичность суждений. В этом смысле его деятельность представляет собою образец редкой цельности и последовательности. Но его мысль часто как бы застывает в созерцании общей истины и недаром не замечает диалектически сложных процессов текущей жизни. В этих случаях и выступает наружу внутренняя противоречивость плехановского мировоззрения. Это — противоречие между общетеоретическим и конкретно-практическим возврением на мир. Плеханов в отличие от Ленина не мог «снять» в своей научно-общественной деятельности этого противоречия. Будучи часто правым в своих теоретических суждениях, он нередко ошибался в анализе конкретных жизненных явлений, оказываясь не в состоянии совместить выводы теории с требованиями практики.

В подтверждение сказанного приведем один, с нашей точки зрения типичный для Плеханова, пример из его статьи о Г. Успенском. В этой статье он прекрасно раскрыл социально-политический смысл некоторых народнических заблуждений Г. Успенского. В частности, он дал блестящую критику ошибочных суждений писателя о капитализме, доказав, что капитализм в России неизбежен и необходим. Все это было сделано на материале произведений самого Г. Успенского. Вместе с тем в той же статье Плеханов выступает в защиту ряда положений ошибочной теории «власти земли». Вслед за Г. Успенским он пишет, что «особенностями земледельческого труда объясняется не только склад крестьянской семьи и общины, но и его (крестьянина, — Б. Б.) веками испытанное долготерпение, его религиозные верования, его отношение к правительству и, наконец, даже к самим гг. народникам» (2, 231).

Природным условиям Плеханов в данном случае отдает предпочтение перед условиями общественными. Но «власть земли», т. е. природа, в пореформенный пе-

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 3, стр. 10.

риод очень мало изменилась по сравнению с тем, какой она была до реформы, а духовный облик крестьянства за это время претерпел заметные изменения. Это говорит о решающем влиянии изменившихся, капитализировавшихся *общественных* отношений в России на психологию крестьянства.

Нетрудно заметить, что в основе верных суждений Плеханова о неизбежности развития капитализма в России и в основе его ошибочных суждений о решающем влиянии «власти земли» на психику крестьянина лежит одна и та же мысль: о ведущей роли развития производительных сил в жизни общества. Формально-логически Плеханов ни в том, ни в другом случае не отстает от этой верной исходной мысли. Но он оказывается прав лишь в первом случае, когда говорит о неизбежности развития капитализма в России. Здесь Плеханов имеет дело с самой общей закономерностью общественного развития, с таким случаем, когда масса частных фактов подтверждает общее правило. Во втором случае, когда заходит речь о факторах, определяющих психику крестьянина, Плеханов сталкивается с явлениями духовной жизни. В этой области влияние производительных сил не является сильным и непосредственным. Невозможно объяснить крестьянскую психологию, не вникая в особенности общественных отношений в деревне. Плеханов же ищет ответа на этот вопрос в простом логическом развитии общей истины о ведущей роли производительных сил в жизни общества. Таким образом, одна и та же мысль приводит Плеханова в зависимости от объекта исследования то к верным, то к ошибочным выводам. Противоречие между общетеоретическим и конкретно-историческим, практическим (в философском смысле этого слова) воззрением на мир здесь выступает со всей отчетливостью и наглядностью.

Это же противоречие проявляется и в другой форме. Еще Луначарский заметил, что в изучении идеологических явлений Плеханов чаще всего придерживался генетической точки зрения и что в этом заключались одновременно и сильная, и слабая стороны его деятельности. Действительно, генетический подход помог Плеханову написать интересные статьи о происхождении искусства и одновременно как бы заслонил от него некоторые важные явления художественной жизни нового и новейшего времени. Дело, конечно, не в односторонности генетической точки зрения как таковой, а в односторонности самого Плеханова, не ощущавшего границ применимости избранного им метода исследования. Плеханов нередко не замечал, что вывод, сделанный на основе генетического анализа, неприменим к явлениям текущей жизни.

Вот пример. «Изучение искусства первобытных племен, — писал Плеханов, — показало, что общественный человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной и только впоследствии переходит, в своем отношении к некоторым из них, на точку зрения эстетическую» (1, 90—100). С точки зрения Плеханова, «это проливает новый свет на историю искусства», в том числе и современного. Плеханов утверждает, что утилитарную основу имеет и эстетическое чувство современного общественного человека. «Разумеется, — пишет он, — не всякий полезный предмет кажется общественному человеку красивым, но несомненно, что красивым может ему казаться только то, что ему полезно, — то есть, что имеет значение — в его борьбе за существование с природой или с другим общественным человеком» (1, 100).

Эта мысль является малоподвластной как для эстетики, так и для критики. В частности, утверждение о том, что в основе эстетического чувства современного общественного человека лежат утилитарные соображения, толкает Плеханова к упрощениям в решении вопроса о влиянии классовой борьбы на искусство. Следуя своей схеме, Плеханов утверждает, что каждый класс имеет свое искусство и что искусство одного класса часто совершенно непонятно и чуждо представителям другого класса. Ибо то, что полезно для одного класса, не является таковым для другого. Поэтому «у каждого общественного класса... есть своя поэзия, в которую он вкладывает свое особое содержание. И в этом нет ничего удивительного, потому что каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свое горе, свои радости, свои надежды и стремления, — словом, как говорится, свой особый внутренний мир. А этот-то внутренний мир и находит свое выражение в поэзии. Вот почему поэтические произведения, очень нравящиеся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого» (2, 182).

К чему вели такие рассуждения, видно хотя бы из того факта, что в цитируемой статье Плеханов зачеркнул значение образа Евгения Онегина для рабочих. «Это — изволите ли видеть, — писал он об Онегине, — человек „хандрящий“, „разочарованный“, то есть попросту ни к какому делу не склонный, не способный и потому не знающий, куда девать себя от скуки. От скуки он таскается по белу свету, от скуки ухаживает за барышнями, от скуки выходит на дуэль. В свое время роман этот наделал много шума, да и теперь еще его с удовольствием читают люди высших классов. Но если, пользуясь воскресным отдыхом, за него возьмется человек век, проработавший целую неделю на фабрике, то его вряд ли займут похождения

„разочарованного“ барина. Такой человек видел много настоящего, неподдельного горя, но он не знал „хандры“ и „разочарования“, точно так же, как не знали этих мудреных вещей те крепостные крестьяне, с которых получал оброк господин помещик Онегин. Рабочий просто не поймет внутреннего содержания этого романа» (2, 183).

Не требуется доказывать, что Плеханов здесь неправ. Тезис об утилитарной основе эстетического чувства в одном случае (в работах о возникновении искусства) привел Плеханова к верным и плодотворным выводам, а в другом (когда речь шла о современности) — к ошибкам и искусственным построениям.

Противоречивость мировоззрения Плеханова имела несомненно определенные исторические предпосылки и историческое оправдание. Напомним, что значительная часть литературной деятельности Плеханова приходится на допролетарский период освободительного движения. Пролетариат лишь пробуждался для сознательной революционной борьбы. Социализм русских пролетариев был еще по преимуществу «социализмом чувства». В этих условиях на первый план выдвигалась задача выяснения и пропаганды самых общих положений марксизма. При этом нельзя было не считаться с невысоким теоретическим уровнем знаний читателей-рабочих. Это отражалось и на содержании, и на форме плехановской пропагандистско-марксистской деятельности. Плеханов-ученый должен был считаться с требованиями Плеханова-пропагандиста. Порожденная определенными историческими обстоятельствами, эта особенность плехановской деятельности находила закрепление в особенностях его мышления, по преимуществу теоретического.

Несколько замечаний по поводу аппарата рецензируемого издания. Двухтомнику предпослана вступительная статья Б. И. Бурсова. Эта работа далеко выходит за рамки своего жанра. Она представляет собою целое исследование, имеющее самостоятельное научное значение. В ней дается разносторонний и вдумчивый анализ литературной деятельности Плеханова.

Особого внимания заслуживает совершенно справедливая мысль исследователя о «глубокой противоречивости всего мировоззрения» Плеханова (1, XXVIII). Б. И. Бурсов опирается здесь на ленинские оценки философских взглядов Плеханова, взятые в их совокупности, и идет в разрез с наблюдающимися в последнее время попытками односторонне положительной оценки плехановского литературного наследия.

Б. И. Бурсов говорит, что у Плеханова мы встречаем марксистский, «последовательно классовый анализ литературного процесса» (1, XVIII), объяснение «диалектики литературного процесса... всей сложностью, всей диалектикой общественно-исторического процесса» (1, LXIV). Это — с одной стороны. А с другой — Плеханов допускает «схематизм и абстрактное логизирование» в решении проблем, «связанных с анализом диалектики процесса художественного творчества и природы искусства» (1, XXIV).

Справедливо указав на противоречивость плехановского мировоззрения, Б. И. Бурсов оставил, однако, в тени внутренний источник этого явления. Исследователь прибегнул к раздельному анализу сильных и слабых сторон литературной деятельности Плеханова. Такой подход отчасти неизбежен и до известных пределов практически необходим, но он уже становится недостаточным. Назревает необходимость определить внутреннюю связь между достоинствами и недостатками Плеханова-критика.

Что касается состава двухтомника, то здесь прежде всего нужно отметить отрадный факт: в двухтомнике включен ряд интересных статей, напечатанных последний раз более тридцати лет тому назад. Однако это не означает, что предшествующий двухтомнику однотомник издания 1948 года⁴ утратил свое значение. В нем содержится много конспектов, заметок и набросков Плеханова, не перепечатанных в рецензируемом издании.

В этой связи нам хотелось бы высказать следующие пожелания. Наследие Плеханова в области литературной критики настолько интересно и поучительно, что вполне заслуживает более широкого опубликования. Было бы целесообразно напечатать еще один сборник литературно-критических работ Плеханова, который дополнил бы двухтомник. Сюда вошли бы суждения Плеханова об искусстве, высказанные им в его крупнейших философских работах — «Основные вопросы марксизма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Большое значение имела бы перепечатка ряда материалов из вышедших до войны сборников «Литературное наследие Г. В. Плеханова», ставших ныне библиографической редкостью, — записей из тетрадей и записных книжек Плеханова, его заметок на полях книг, отрывков из писем. Кроме того, могли бы быть напечатаны и некоторые неопубликованные материалы из плехановского архива. На-

⁴ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. Вступительная статья М. Розенталя. Редакция и комментарии Н. Ф. Бельчикова. Гослитиздат, М., 1948.

конец, сюда могли бы войти воспоминания о Плеханове, разработанные ныне по различным, часто труднодоступным изданиям.

К сожалению, очень небольшое место, отведенное в двухтомнике комментариям, не позволило включить в него некоторые необходимые сведения. Мы имеем в виду эпистолярное наследие Плеханова, представленное в комментариях крайне скучно. Это привело к тому, что творческая история и обстоятельства появления ряда статей Плеханова освещены очень слабо. Не всегда указываются в комментариях и редакционные поправки и дополнения, сделанные Плехановым при переиздании его работ.

Двухтомник дает значительно улучшенный, освобожденный от застарелых искажений текст. Однако кое-какие неисправности текста все же сохранились. В статье «Н. И. Наумов» неточно передано название одного из рассказов писателя: вместо «Зажора» — «Замора». Эта опечатка переходит из издания в издание уже более пятидесяти лет. В комментариях к статье «Гл. И. Успенский» допущена ошибка в перепечатке письма Благоева: вместо «гг. 84 и 85» — «№№ 84 и 85» (речь идет о дате опубликования очерком Г. Успенского в журнале «Русская мысль»).

Таковы отдельные недостатки двухтомника. В целом же новый сборник статей Плеханова о литературе и искусстве является серьезным вкладом в изучение наследия выдающегося критика-марксиста.

